

В тусклом свете сумерек Такаши, Акеми и маленький Изуна вышли из пещеры, и их встретило леденящее душу зрелище. Их окружали силуэты десяти чунинов, двух джонинов и одного элитного джонина из Скрытого песка, их глаза сверкали враждебными намерениями. В воздухе висело напряжение, в котором чувствовалась невысказанная угроза.

Такаши окинул взглядом грозное скопление шиноби, и в его взгляде появился расчётливый блеск. Не раздумывая, он Технику теневого клонирования, материализовав рядом с собой идентичного клона. Он повернулся к Акеми, его голос был едва слышным шепотом среди шелеста листьев: — Будь готова бежать.

Акеми, крепко сжимая Изуну в левой руке, решительно кивнула. Её правая рука сжимала кунай, лезвие которого ловило последние лучи заходящего солнца. Её глаза, яростные и решительные, отражали решимость Такаши.

Взмах руки, и Такаши с его клоном вскочили на ноги, выпустив два техники В-ранга. Первым Такаши использовал "Стихия ветра: Техника нескончаемого прорыва" — закрученный вихрь ветра с разрушительной силой пронзил воздух. Одновременно с этим клон выполнил "Стихия огня: Техника драконьего пламени", создав свирепого дракона из пламени, который ревел вместе с яростью ветра.

Объединённая мощь ветра и огня создала зрелище силы стихий, танец разрушения, который на мгновение ошеломил врагов. В результате этого натиска в окружении врага появилась зияющая брешь — мимолётный шанс на спасение.

На короткую секунду глаза Акеми встретились с глазами Такаши, и между ними возникло молчаливое понимание. Это был их момент, маленькая возможность вырваться из лап преследователей. Она, крепко обняв Изуну, приготовилась броситься в проём, и сердце её заколотилось в предчувствии опасной ситуации.

Изуна, надёжно укрытый в объятиях своей матери Акеми, мог только смотреть на хаос, разворачивающийся вокруг них.

«Хотелось бы мне хоть что-то сделать. Я даже не могу воспользоваться точкой сохранения, если бы захотел», — беспомощно думал он, чувствуя острый укол бессилия. Его мать, руководствуясь инстинктами, использовала "Технику телесного мерцания" и пронесла их через брешь, которую Такаши проделал в рядах противников.

Теперь они были за пределами окружения, но опасность ещё не миновала. Акеми, на лице которой была маска сосредоточенной решимости, развернулась лицом к преследователям. В её глазах появился Шаринган, окутав гипнотической силой, из за которой всегда боялись Учих. Она наложила гендзюцу на трёх преследующих чунинов, и те резко остановились, попав в иллюзию.

Обездвижив чунинов, Акеми стала действовать со смертоносной точностью. Она перебегала от одного к другому, её движения превратились в танец смерти, и она расправлялась с ними

быстрыми, решительными ударами. Изуна смотрел, потрясённый мастерством своей матери, и осознавал силу рода Учиха.

Оставшийся джонин, наблюдавший за быстрой гибелью своих товарищей, заметно встревожился. Он поднял защиту, готовясь к следующему шагу грозной женщины из клана Учиха. Акеми, прижав к себе Изуну, приготовилась к новому противостоянию, не сводя глаз с осторожного джонина. В воздухе витало напряжение, исход поединка висел на волоске.

Такаши и Акеми с маленьким Изуной, прижавшимся к матери, оказались втянуты в жестокую борьбу за выживание. Тусклый свет мерцал на напряжённых лицах двух джонинов, сцепившихся в неустанном и равном бою. Каждый удар, каждое парирование были танцем на острие ножа, и ни один из них не мог одержать верх.

Изуна, прижавшийся к матери, не мог ничего поделать, кроме как смотреть на происходящее расширенными от страха глазами. Его мысли метались: «Я так беспомощен... если бы только я мог что-то сделать, хоть что-нибудь». — Он с тревогой посмотрел на отца, видя, что шансы против него подавляющие. Элитный джонин, противостоящий Такаши, был грозным противником, и каждый его удар всё больше подталкивал Такаши к поражению.

Минуты тянулись как часы, а положение Такаши и Акеми с каждой секундой становилось всё более отчаянным. Акеми, теряя силы, пыталась отбиться от нападавших, одновременно защищая своего новорожденного малыша. Каждое движение, каждое уклонение было затруднено драгоценной ношей на её руках.

Это была сцена отчаяния и стойкости. Акеми, несмотря на видимое истощение, сражалась со свирепостью загнанного в угол зверя, её движения становились всё более вялыми, а дыхание — всё более затрудненным. Такаши же принял на себя всю тяжесть атаки оставшихся шиноби — элитный джонин оказался неумолимо сильным.

В этой мрачной реальности молодая семья стояла на грани краха, их жизнь висела на волоске. В воздухе ощущалось напряжение, нависшее над ними в предчувствии надвигающейся опасности. Неопределённость их судьбы бросала тяжёлую тень, ведь пара боролась не только за свою жизнь, но и за будущее своего ребёнка.

Когда Акеми, с сердцем, колотящимся как бешеный барабан, ловко лавировала в хаосе, произошёл неожиданный поворот судьбы. Её Шаринган, пылающий яростной волей матери, защищающей своё дитя, заманил противника в ловушку гендзюцу. С быстротой, почти отретпетированной точностью она оборвала его жизнь, и законченность её действий эхом отозвалась в наступившей тишине.

Повернувшись, чтобы бежать, с тяжёлым бременем выживания на сердце, они оглянулись. Их взору предстала сцена, нарисованная жестокими штрихами судьбы. Такаши, доблестный и непоколебимый, победил семерых чунинов, но теперь оказался нанизан на клинки элитного и обычных джонинов. Его фигура, некогда олицетворявшая силу и непоколебимость, теперь колебалась на гран.

В объятиях матери крошечное сердце Изуны разбилось вдребезги. Вид отца, маяка надежды в этой новой жизни, был разрушен и вызвал в нём бурю эмоций. Воспоминания, острые и непреклонные, промелькнули перед его глазами — воспоминания о ночи, пропитанной предательством и болью, когда он тоже ощутил холодный поцелуй стали на своей плоти.

Слёзы, невинные и чистые, текли по его щекам, каждая капля молчаливо свидетельствовала о том, что внутри у него всё перевернулось. Затем произошло нечто необычное. Всплеск чакры, первобытной и мощной, пронёсся по его крошечному телу. Вызванная водоворотом страха, потери и отчаянного желания защитить, его чакра ответила.

В этот момент эмоционального потрясения произошла трансформация. Глаза Изуны, окна его измученной души, начали меняться. В обоих глазах появилось первое томоэ Шарингана, медленно вращающееся в воздухе. Это был символ его рода, его наследия, а теперь и предвестник его пробудившейся силы.

<http://tl.rulate.ru/book/103262/3580701>